К. А. КОССОВИЧЪ.

(Некрологъ).

26-го января скончался въ С.-Петербургѣ извѣстный лингвистъ, ординарный профессоръ С.-Петербургскаго университета по каѳедрѣ санскритской словесности, докторъ сравнительнаго языкознанія Каетанъ Андреевичъ Коссовичъ.

Сынъ священника, родомъ Бѣлоруссъ, православнаго вѣроисповѣданія, Каетанъ Андреевичъ окончилъ образованіе въ Московскомъ университетѣ въ 1836 году по 1-му отдѣленію философскаго факультета, куда онъ поступилъ изъ Витебской гимназіи. Въ 1839 г. онъ получилъ мѣсто старшаго учителя греческаго языка въ Тверской гимназіи, а въ 1843 переведенъ учителемъ того же предмета въ Московскую 2-ю гимназію. Въ теченіе почти двухъ лѣтъ (съ 5-е іюня 1845 по 8-е мая 1847 г.) К. А. Коссовичъ занимался преподаваніемъ въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ. Въ 1850 г. онъ перешелъ въ Петербургъ на службу въ Императорскую Публичную Библіотеку, въ которой собственно для него была создана должность редактора ученыхъ работъ, и въ которой потомъ, по упраздненіи этой должности, онъ состоялъ библіотекаремъ до послѣднихъ дней своей жизни. Въ 1858 году онъ былъ допущенъ, послѣ многихъ просьбъ, настояній и ходатайствъ, къ преподаванію, безъ жалованья, санскритскаго языка въ Петербургскомъ университетѣ, а черезъ два года назначенъ исправляющимъ должность экстра-ординарнаго профессора

по каѳедрѣ санскритскаго языка. Въ 1864 г. утвержденъ экстраординарнымъ, а въ 1866 г. ординарнымъ профессоромъ по той же каѳедрѣ, которую онъ и занималъ до своей кончины. Послѣ введенія университетскаго устава 1863 года, Каетанъ Андреевичъ въ теченіе многихъ лѣтъ читалъ зендскій языкъ. Сверхъ того, онъ временно преподавалъ древній греческій языкъ студентамъ 1-го и 2-го курсовъ историко-филологическаго факультета, санскритскій языкъ студентамъ историко-филологическаго института и еврейскій языкъ студентамъ восточнаго факультета. Вотъ краткій перечень фактовъ учено-служебной дѣятельности К. А. Коссовича, котораго смерть почти застала за книгою, бывшею постояннымъ и неизмѣннымъ его другомъ, какъ въ тяжкіе, такъ и въ свѣтлые дни его жизни.

Покойный профессоръ—по вполнѣ справедливымъ словамъ историка Петербургскаго университета—представлялъ „рѣдкій примѣръ благороднаго труженика на пользу науки, который всѣ обширныя свѣдѣнія свои пріобрѣлъ не выѣзжая изъ Россіи, пріобрѣтеніемъ ихъ обязанъ исключительно самому себѣ, и пріобрѣталъ ихъ среди обстоятельствъ самыхъ неблагопріятныхъ, никогда не упадая духомъ, никогда не позволяя себѣ усумниться въ своемъ призваніи и въ торжествѣ твердой воли надъ равнодушіемъ и недоброжелательствомъ людскимъ“ [1]).

Еще будучи ученикомъ Витебской гимназіи, К. А. Коссовичъ, голодая и холодая на чердакѣ—о чемъ онъ часто вспоминалъ въ разговорахъ съ друзьями—обнаружилъ такое знаніе латинскаго языка, что попечителемъ тогдашняго Бѣлорусскаго учебнаго округа былъ отправленъ въ Московскій университетъ до окончанія курса гимназіи. Въ университетѣ своими успѣхами въ классическихъ языкахъ онъ обращалъ на себя общее вниманіе товарищей-студентовъ [2]). Особенно усердно занимался онъ въ университетѣ греческимъ языкомъ, и сотни стиховъ безсмертнаго пѣвца Иліады удерживались его счастливою памятью. По окончаніи курса, до поступленія учителемъ въ Тверскую гимназію, въ теченіе двухъ лѣтъ, Каетанъ Андреевичъ, кое-какъ перебиваясь частными уроками греческаго языка (между прочимъ онъ

---

[1]) Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія. Историческая записка, составленная *В. В. Григорьевымъ* (С.-Пб. 1870), стр. 282.

[2]) См. Воспоминанія студентства. 1832—1835 г. *К. С. Аксакова—День*, 1862, № 39.

прочелъ всего Гомера на квартирѣ у С. П. Шевырева съ Д. А. Валуевымъ и А. Ѳ. Бычковымъ, съ которыми и завязалась у него съ тѣхъ поръ самая искренняя дружба), не терялъ свободнаго времени: онъ перечиталъ большую часть греческихъ и латинскихъ классиковъ, выучился языкамъ англійскому и италіанскому. Жажда языкознанія этимъ не ограничилась: въ Твери Кассовичъ принялся за изученіе языковъ еврейскаго, арабскаго, и наконецъ, санскритскаго. Всѣ эти языки онъ изучалъ безъ руководителей, самоучкою, при чемъ для выписки изъ-за границы главнѣйшихъ пособій долженъ былъ отказывать себѣ въ самомъ необходимомъ. Время, остававшееся свободнымъ отъ изученія восточныхъ языковъ, онъ посвящалъ на переводъ греческой грамматики Кюнера, на составленіе греческо-русскаго словаря [1]) и на домашнія занятія съ учениками гимназіи. Среди товарищей-учителей онъ не встрѣчалъ никакой нравственной поддержки въ своихъ занятіяхъ: на него смотрѣли косо, какъ на выскочку, не вѣрили, что онъ могъ пріобрѣсти собственными силами то, что̀, по общему мнѣнію, возможно было пріобрѣсти только за границею. То же равнодушіе и недовѣріе къ своимъ познаніямъ нашелъ Коссовичъ и въ Москвѣ, даже со стороны лицъ, стоявшихъ во главѣ управленія учебнаго округа. Но Коссовичъ, не смотря на все это, продолжалъ трудиться. Изданные имъ въ Москвѣ переводы нѣсколькихъ произведеній санскритской литературы послужили лучшимъ доказательствомъ, что онъ не напрасно употреблялъ время. „Но кто же въ Россіи“, спрашиваетъ В. В. Григорьевъ,—„могъ оцѣнить этотъ подвигъ, и кто же оцѣнилъ бы его за границею, при тогдашней неизвѣстности тамъ русскаго языка?“ Только Хомяковъ, Кирѣевскіе, Н. М. Языковъ, Шевыревъ и нѣкоторые другіе поддерживали Коссовича своимъ участіемъ, да кромѣ того, успѣхи лицъ, съ которыми онъ занимался санскритскимъ языкомъ, ободряли его и поощряли къ дальнѣйшимъ занятіямъ. Въ 1847 году, по предложенію Шевырева, Московскій университетъ ходатайствовалъ объ отправленіи Коссовича за границу; но отъ министра народнаго просвѣщенія послѣдовалъ отказъ. Это глубоко огорчило Каетана Андреевича. Вотъ что̀ писалъ ему въ утѣшеніе по этому случаю П. А. Плетневъ въ письмѣ отъ 9-го іюля 1847 года: „Изъ письма Шевырева мнѣ уже извѣстны всѣ подроб-

---

[1]) Работу эту Каетанъ Андреевичъ не довелъ самъ до конца, а передалъ ее брату своему Игнатію Андреевичу. Словарь вышелъ въ Москвѣ въ 1847 году; въ немъ Каетану Андреевичу принадлежитъ начало отъ буквы А до предлога εἰς.

ности касательно представленія о васъ, любезный другъ Каетанъ Андреевичъ, и отказа министра, равно какъ и предположеніе факультета объ учрежденіи каѳедры сравнительной филологіи. Я отвѣчалъ Шевыреву, что̀ онъ долженъ отъ меня сказать вамъ на все это. Повторю здѣсь нѣсколько. Вы уже столько сдѣлали въ жизни своей для науки, что естественно должны стоять выше всякаго произвола сторонняго. Заслуги ваши, ваши достоинства, ваши надежды и вознагражденіе ваше—въ васъ самихъ: онѣ ни уменьшены, ни возвышены ничѣмъ не могутъ быть. Въ силѣ характера вашего я нисколько не сомнѣваюсь; безъ него не явилось бы ничего изъ предшествовавшаго теперешнему положенію вашему. Итакъ, останьтесь только тѣмъ, чѣмъ Богъ помогъ вамъ сдѣлаться. Это еще самое легкое изъ искушеній, которыми полна жизнь. Нестерпимое въ ней для васъ—служба въ гимназіи. Шевыревъ мнѣ писалъ, что отъ этого бѣдствія вы непремѣнно освобождены будете. Въ такомъ случаѣ, сосредоточивъ служебныя свои занятія въ университетѣ, продолжайте трудиться изъ любви къ наукѣ, какъ до сихъ поръ это дѣлали. Что̀ изъ житейскаго хорошее суждено на вашу долю, то никѣмъ не будетъ отнято отъ васъ, потому что присуждаетъ его Всемогущее и Всесправедливое Существо: люди могутъ раздражать только слабыя страсти наши. Отъ насъ зависитъ надъ ними возвыситься". Предположеніе объ учрежденіи каѳедры сравнительной филологіи въ Московскомъ университетѣ равномѣрно постигла неудача.

Соболѣзнуя объ этомъ, Плетневъ (въ письмѣ отъ 23-го мая 1848 г.) писалъ Каетану Андреевичу: „Вы еще никакъ не можете привыкнуть равнодушно переносить разныя неудачи, когда въ высшихъ слояхъ не совершается то, что̀ въ пользу вашу предполагаемо было низшею инстанціей. Долго ли мнѣ повторять вамъ одно и то же? Надобно на землѣ завоевать себѣ и мѣсто, и власть, и покорность другихъ; а по другимъ побужденіямъ ничего никто никогда не сдѣлаетъ. Воображаете вы, что польза каѳедры должна внушить участіе къ судьбѣ юноши, достойнаго занять ее? А не угодно ли услышать вамъ, что безъ личныхъ побужденій люди эти ногою не шевельнутъ, хоть бы сгорѣли и всѣ каѳедры въ мірѣ"... Въ концѣ письма Плетневъ пишетъ: „Заключеніе старое:

Блаженъ
Кто отъ людей, какъ отъ могилъ,
Не ждалъ за чувства воздаянья,
Блаженъ кто молча былъ поэтъ!»

Лишь по переѣздѣ изъ Москвы въ Петербургъ обстоятельства стали складываться болѣе благопріятно для Коссовича. Здѣсь онъ встрѣтилъ радушный пріемъ въ семьяхъ графа Д. Н. Блудова и барона М. А. Корфа, расположенію которыхъ и былъ преимущественно обязанъ дальнѣйшимъ устройствомъ своей судьбы. Въ 1851 году баронъ Корфъ командировалъ Коссовича отъ Императорской Публичной Библіотеки за границу, въ Лондонъ, чтобы при посредствѣ тамошнихъ ученыхъ разобрать рукописи Библіотеки, писанныя на разныхъ индійскихъ нарѣчіяхъ, чего никто изъ нашихъ оріенталистовъ въ то время не могъ сдѣлать. Вмѣстѣ съ тѣмъ Коссовичу было поручено собрать подробныя свѣдѣнія о Британскомъ музеѣ, что̀ было необходимо для соображеній барона Корфа, желавшаго дать лучшее устройство нашей Императорской Публичной Библіотекѣ. Во время своего путешествія Коссовичъ завязалъ связи съ многими западными оріенталистами, не прерывавшіяся до послѣдняго времени. Въ Публичной Библіотекѣ онъ привелъ въ порядокъ и нѣкоторое время завѣдывалъ отдѣленіемъ книгъ на восточныхъ языкахъ, составлялъ по порученію барона Корфа критико-библіографическія обозрѣнія старинныхъ сочиненій на иностранныхъ языкахъ, касающихся русской исторіи, а также разныя статьи для журналовъ и газетъ о новыхъ пріобрѣтеніяхъ Библіотеки. Въ 1854 году Коссовичъ, по приглашенію второго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, предпринялъ составленіе и печатаніе въ Извѣстіяхъ отдѣленія санскрито-русскаго словаря по плану, такъ-сказать, ему навязанному, но которому онъ самъ не сочувствовалъ. Трудъ этотъ Каетанъ Андреевичъ прекратилъ почти въ самомъ началѣ (въ теченіе 1854—1856 гг. вышло три тетради словаря), хотя онъ доставлялъ ему нѣкоторое матеріальное вознагражденіе, что̀ было для него въ то время весьма важно при его скудныхъ средствахъ. Наконецъ, въ 1858 году Коссовичъ получилъ давно желанную возможность начать въ университетѣ правильное чтеніе лекцій по санскритскому языку и словесности, а затѣмъ и по зендскому языку. Но онъ не ограничился тѣснымъ кругомъ своихъ университетскихъ слушателей и въ 1860 году прочелъ двѣ публичныя лекціи о санскритскомъ эпосѣ, которыя были выслушаны публикою съ большимъ удовольствіемъ.

Какъ профессоръ университета, Каетанъ Андреевичъ принималъ близко къ сердцу всѣ его интересы, жилъ его жизнью; неустройства послѣднихъ лѣтъ въ университетѣ заставляли его, какъ человѣка, уважающаго науку, скорбѣть душей и вліяли, отчасти, на его здоровье. Министерство народнаго просвѣщенія, уважая его опыт-

ность и не предубѣжденный взглядъ на университетское дѣло, нерѣдко приглашало его къ участію въ обсужденіи различныхъ мѣропріятій, касавшихся высшихъ учебныхъ заведеній.

Ученая дѣятельность Каетана Андреевича, которому, вмѣстѣ съ рано умершимъ Робертомъ Ленцомъ и П. Я. Петровымъ, по справедливости принадлежитъ заслуга перваго насадителя въ Россіи изученія санскритскаго языка, не могла остаться не замѣченною, и труды его пріобрѣли ему почетную извѣстность не только у насъ, гдѣ Харьковскій университетъ возвелъ его единогласно въ доктора сравнительнаго языкознанія, но преимущественно и въ Европѣ [1]), гдѣ труды его были оцѣняемы спеціалистами по достоинству. Приведемъ перечень ученыхъ трудовъ К. А. Коссовича:

1) Переводъ элементарной грамматики греческаго языка Кюнера (1-е изданіе вышло въ Москвѣ въ 1843 г.; 4-е изданіе въ С.-Пб. въ 1869 г.); 2) Сундасъ и Упасундасъ. Эпизодъ изъ Магабгараты. Переводъ съ санскритскаго (въ Москвитянинѣ 1844 г.); 3) Извлеченіе изъ письма Рабби Хисдай бэнъ Ицкахъ къ царю Хозарскому (переводъ съ еврейскаго) (въ Сборникѣ историческихъ свѣдѣній о Россіи и народахъ, ей единовѣрныхъ и соплеменныхъ, издававшемся Д. Валуевымъ. Москва, 1845 г.); 4) Торжество свѣтлой мысли. Драма въ 6-ти актахъ (переводъ съ санскритскаго) (въ Московскомъ сборникѣ на 1847 г.); 5) Сказаніе о Видъядгáрѣ Джимутаваганѣ. Повѣсть Сомадевы Бгатты (переводъ съ санскритскаго) (Москва, 1847 г.); 6) Сказаніе о Дгрувѣ. Древне-религіозная индійская легенда. Переводъ съ санскритскаго (Москва, 1848 г.); 7) Филологическія разысканія (С.-Пб., 1853 г.); 8) Санскрито-русскій словарь (С.-Пб., 1854—1856 г.); 9) Письмо къ директору Императорской Публичной Библіотеки барону М. А. Корфу (о „Багавадъ-Гитѣ“) (въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1856 г.); 10) Вступительная лекція о санскритскомъ языкѣ и литературѣ (въ Журналѣ Мин. Народн. Просв. 1859 г.); 11) Легенда объ охотникѣ и парѣ голубей. Извлеченіе изъ Махабараты. Съ присовокупленіемъ русской транскрипціи, латинскаго перевода и санскрито-русскаго глоссарія (С.-Пб., 1859 г., было два изданія); 12) Двѣ публичныя лекціи о санскритскомъ эпосѣ (въ Русскомъ Словѣ 1860 г.); 13) Четыре статьи изъ Зендавесты, съ присовокупленіемъ транскрипціи, русскаго и латинскаго переводовъ, объясненій, критическихъ примѣчаній и сравнительнаго глоссарія (С.-Пб., 1861 г.); 14) Decem Sendavestae excerpta (Parisiis. 1865. Текстъ, латинскій переводъ, объясненія и критическія примѣчанія); 15) Ga'ta Ahunavaiti. Sara'tustrica carmina septem (Petropoli, 1867. Текстъ, латинскій переводъ, объясненія и критическія примѣчанія); Gâ'ta Ustavaiti (Petropoli, 1869, Текстъ, латинскій переводъ, объясненія и критическія примѣчанія); 16) Saratustricae gâ'tae posteriores tres (Petropoli, 1871). (Текстъ, латинскій переводъ, объясненія и критическія примѣчанія); 17) Inscriptiones palaeo-persicae Achaemenidarum quot hucusque repertae sunt.. Petropoli. 1872). (Текстъ надписей, критическія объясненія и сравнительный древне-персидскій глоссарій); 18) Еврейская грамматика В. Гезеніуса (Переводъ съ дополненіями и измѣненіями (С.-Пб., 1874 г.); 19) Еврейская христоматія съ ссылками на грамматику Гезеніуса и глоссаріемъ еврейско-русскимъ (С.-Пб., 1875 г. Послѣднія два изданія приняты какъ руководства въ духовныхъ семинаріяхъ); наконецъ, 20) Canticum canticorum (Petropoli. 1879) (Текстъ и латинскій переводъ съ объясненіями [1]). Это былъ послѣдній печатный трудъ Каетана Андреевича.

Трудиться не переставалъ Каетанъ Андреевичъ и въ послѣдніе два года, не смотря на постигшую его тяжкую болѣзнь: онъ занимался переводомъ и объясненіемъ книги пророка Даніила, а затѣмъ думалъ снова заняться клинообразными надписями.

Въ заключеніе этого краткаго, и конечно, не полнаго очерка нельзя не сказать нѣсколько словъ о свѣтлой нравственной личности Каетана Андреевича. Въ каждомъ человѣкѣ видѣлъ онъ своего брата и съ нелицемѣрною любовью относился ко всѣмъ. Радость и успѣхъ ближняго составляли и его радость и счастіе. Его чистое сердце умѣло въ каждомъ находить только хорошія черты. Мягкій, довѣрчивый и радушный, онъ съ полною готовностью, гдѣ и какимъ образомъ только могъ, спѣшилъ на помощь нуждавшимся ходатайствомъ, совѣтомъ, указаніями. Время свое до послѣднихъ дней жизни онъ посвящалъ на пользу и служеніе юношеству, руководилъ его при

[1]) К. А. Коссовичъ состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Парижскаго азіатскаго общества, восточнаго Германскаго, и многихъ другихъ.

[1]) Въ этомъ перечнѣ нами не приведены мелкія статьи Коссовича (напримѣръ, его воспоминаніе о Хомяковѣ, записка о трудахъ В. В. Григорьева и пр.), равно какъ и статьи, которыя онъ составлялъ по порученію барона М. А. Корфа (изъ которыхъ заслуживаетъ особеннаго вниманія сдѣланный имъ переводъ сочиненія *Мѣховскаго*: De duabus Sarmatiis).

ученыхъ занятіяхъ, охотно дѣлился съ нимъ своими обширными знаніями, изъ скромныхъ средствъ своихъ оказывалъ посильное пособіе неимущему...

Извѣстіе о кончинѣ Каетана Андреевича было встрѣчено всѣми, знавшими его, съ искреннимъ и глубокимъ соболѣзнованіемъ. Мы позволяемъ себѣ привести здѣсь отрывокъ изъ частнаго письма одного лица, близко знавшаго покойнаго Каетана Андреевича въ теченіе 28-ми лѣтъ. Надѣемся, что высокоуважаемый авторъ письма не посѣтуетъ на насъ за нашу нескромность.

„Пробѣгая газеты", пишетъ это лицо,—„я былъ пораженъ извѣстіемъ о смерти Каетана Андреевича. Сколько грусти, скорби, досады и озлобленія на себя вытерпѣлъ я, прочитавши это извѣстіе. Какъ нарочно, въ послѣдній пріѣздъ, при всемъ желаніи, я не могъ, то по недостатку времени, то по нездоровью, навѣстить его, взглянуть на него и успокоить свою душу его голубиною кротостію, смиреніемъ, идеальнымъ взглядомъ на все окружающее и чистотою помысловъ на жизнь и на науку, которой такъ цѣломудренно и беззавѣтно преданъ онъ былъ. Съ 1855 года зналъ я его, и ни разу, при частыхъ свиданіяхъ своихъ съ нимъ, ни на йоту не измѣнялся взглядъ мой на него; всегда представлялся онъ мнѣ образцемъ того, къ чему разумное существо, среди житейскихъ дрязгъ, должно стремиться, и какъ облегчалась и услаждалась душа, когда, въ утомленіи и недовольствѣ мелочами и пустотою жизни, приходилось вступать въ скромную квартиру покойнаго. Вѣчная ему память и до гроба моего самая горячая къ нему благодарность".

Съ тѣмъ же чувствомъ глубокой благодарности вспоминаетъ и пишущій настоящія строки о томъ сердечномъ участіи, которое ему оказывалъ покойный Каетанъ Андреевичъ, о томъ времени, которое удѣлялъ покойный на занятія съ нимъ, о тѣхъ вечерахъ въ продолженіе цѣлыхъ пяти лѣтъ, въ которые Каетанъ Андреевичъ съ такимъ одушевленіемъ читалъ съ нимъ и объяснялъ Гомера, о той любви и знаніяхъ въ греческомъ языкѣ, которыя покойный сумѣлъ сообщить ему своимъ задушевнымъ преподаваніемъ, а объ этомъ преподаваніи, конечно, сохранятъ навсегда добрую память всѣ бывшіе его ученики.

И. Б.

Оттиски изъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія».